

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ФЕЙКНЬЮС КАК БОЛЕЗНЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ИНСТРУМЕНТЫ ЛЕЧЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ В ИНТЕРЕСАХ МЕДИА И ОБЩЕСТВА»

Быстрицкий Андрей: Ну что, коллеги, начнем? У нас такая здесь немножко куча-мала. Печа куча, да. Много народа, но будем считать, что вы все сочиняли интеллектуальные, остроумные, глубокие и, так сказать, расскажут то, что интересно.

Я хотел бы... конструктором данной истории выступал Сергей Давыдов, я хотел бы сказать пару слов, перед тем, как Сергей свое слово скажет и начнет модерировать наше мероприятие. Дело в том, что так вышло, что во многом вклад оказался двух образовательных, естественно, учреждений. С одной стороны, это Высшая школа экономики, факультет коммуникаций, я не говорю о ВЦИОМе, вот который, так сказать, у нас с нами. А с другой стороны, Академия медиаиндустрии, это, так сказать, такая профессиональная школа, так сказать, подготовки и, в общем, это довольно симптоматично, что эти две структуры так в данном случае взаимодействуют. Сергей Геннадьевич и я, как декан факультета, а Сергей Геннадьевич, как ректор этой самой Академии. Давайте тогда изложи, пожалуйста, четыре темы, потому что народа у нас много и очень все должно быть в темпе.

Модератор Давыдов Сергей: Мы решили разделить круглый стол на четыре части, и каждая из частей будет посвящена обсуждению одной из тем. Значит, первая тема – это, собственно, что такое фейкньюс, насколько этот феномен может рассматриваться как теоретический, или это просто некая метафора с собирательным названием для целого ряда других феноменов. И, собственно, почему этот феномен, обсуждение фейкньюс становится таким острым именно в наши дни.

Вторая тема связана с деятельностью фейкньюс, так сказать, какие задачи при их помощи решаются, и какие последствия могут быть для фигурантов вот этой вот ложной новостной активности, скажем так.

Третья тема – это социальные последствия фейкньюс и, в частности, такое возможное последствие, как возникновение кризиса доверия, системного кризиса доверия к социальным институтам.

И четвертый вопрос – это профилактика, предотвращение эпидемии распространения информации фейкньюс и то, какие инструменты, какие способы могут быть использованы для того, чтобы эти задачи решать.

У нас дискуссия будет проходить в следующем формате: на каждую из тем предусмотрено несколько таких развернутых реплик со стороны приглашенных экспертов, которые перечислены в программе, и после этого будет возможность, скажем так, перейти к вопросам, ответам и сделать часть такой в формате живой дискуссии. У нас два эксперта зарубежных, которые высказались по этой проблеме в формате видео и, я надеюсь, что мы также их заслушаем, сможем эти видео посмотреть.

Итак, первая тема: что такое фейкньюс, чем этот феномен отличается от каких-то других феноменов, связанных с ложью, с некорректной, недостоверной информацией, и почему

проблема фейкньюс встает так остро именно в наши дни. Я предложил бы начать Валерию Федорову, ВЦИОМ, в качестве эксперта.

Федоров Валерий: Спасибо. Я не буду говорить, что такое фейкньюс, мне кажется, здесь много экспертов, которые в этом понимают гораздо больше, чем я. Я расскажу о том, почему это важно. Вброшу несколько цифр, к которым потом можно будет отнестись.

Так случилось, что наши американские коллеги этой темой озаботились сразу после последних выборов президента, буквально в декабре 16 года, после выборов, на которых победил Дональд Трамп, «Пью Ресерч» центр провел опрос, который дал очень интересные результаты: оказывается, 51% опрошенных тогда еще, 2,5 года назад, американцев сказали, что замечали хотя бы однажды фальшивые, либо частично фальшивые новости в интернете. Только 19% сказали, что вообще никогда ничего не замечали. Ну понятно, как всегда, есть затрудняющиеся ответить и те, кто занимает такую сложную позицию.

Что касается политических фейкньюс, каждый третий взрослый американец сказал, что что-то замечал подобное, то есть фейкньюс касаются не только политики, хотя, наверное, именно в политике они наиболее болезненно воспринимаются. И более того, что, может быть, самое интересное, выяснилось при опросе, что значительная часть американских интернет-пользователей, а это, понятно, практически все американцы, там уже уровень распространения интернета превышает 90%, так вот, значительная часть сама внесла свой вклад в это неблагородное дело – распространение фейкньюс. Около четверти сказали, что никогда не делились фейкньюс, а 30% сказали, что делились этим.

Еще что интересно, когда эту группу рассмотрели чуть поподробнее, ту треть, которая делилась, выяснилось, что из нее почти половина знали, что это фейкньюс, и особенно делились фальшивыми новостями, еще другая половина сказали - нет, что мы распространяли это, думая, что это правда, и только потом поняли, узнали или нас убедили в том, что это не так.

Таким образом стало понятно, что ускорение и охват дополнительный фейкньюс придают сами пользователи, в данном случае интернета, но понятно, что и за пределы сети эта история уже вышла. И получается, что фейкньюс обладают некоторыми особыми качествами, которые способствуют, которые мотивируют, побуждают людей распространять их, то есть они вот такой вирулентный характер приобретают.

И следующее исследование в 18 году провела компания «Edelman» в рамках «Edelman Trust Barometer», выяснилось, что в целом ряде стран озабоченность широким распространением фейкньюс уже приобрела такой высокий характер, скажем, в таких разных странах, как Мексика, Испания, Индонезия, значит, от 70 до 80% опрошенных оказались напуганы, усматривают угрозу серьезную вот в этом распространении. То есть сначала мы узнали про фейкньюс, а потом мы стали свидетелями, а где-то даже участниками, кампании борьбы с ними, а в рамках этой кампании уже, значит, преследовалось огромное количество разнообразных политических целей, как всегда бывает.

И теперь в завершение краткой реплики, действительно уже поздно и хочется, так сказать, в клиповом режиме выступить, я озвучу результаты исследования, которые прежде никогда не обнародовались, потому что они были закончены, даже я их получил только сегодня утром. Это ВЦИОМ провел специально к нашей секции, потому что мы не

так продвинуты в медиаизмерениях, как факультет медиадизайна и Академия медиаиндустрии, но тоже стремимся быть полезными, поэтому мы провели всероссийский репрезентативный опрос телефонный, 1600 опрошенных, вот вчера он прошел, сегодня данные подвели.

Итак, возможно или невозможно для наших респондентов отличить недостоверную информацию, которую они получают через СМИ, интернет, соцсети и т.д., от достоверной? Тут выяснилось, что у нас 49% считают себя людьми, социально и информационно зоркими и подготовленными и полагают, что чаще всего могут отличить. Правда, только 7% считают, что всегда могут отличить. То есть даже у этой половины есть определенные подозрения. Ну а вторая половина считает, что мы очень уязвимы для этого. Причем, что интересно, знаете, обычно, когда мы о каких-то напастях, о страхах, о ужасах рассказываем такого или расспрашиваем социального плана, то такой эффект известный. Но я-то человек опытный, понимающий, умный, поэтому, значит, я, например, не поддаюсь давлению пропаганды. А вот вокруг меня они все немножко, значит, потупее, послабее в воле и рассудком, побезответственнее, поэтому они – жертва ее.

Ну это типичный эффект, я надеюсь, многие знают о нем. Вот в случае с фейкньюс мы этого эффекта не усмотрели. То есть огромная часть нашей аудитории оказалась, оценивает угрозу того, что они не смогут отличить правдивую информацию от неправдивой, как высокую. Повторюсь, только 7% говорят, что практически всегда можно отличить. А 15% вообще говорят – почти всегда нельзя отличить, 29% - в большинстве случаев нельзя отличить, то есть мы действительно ощущаем свою уязвимость перед этими самыми страшными фейкньюс.

Ну и пара вопросов об известном законе, который недавно стал таковым, об ответственности за распространение заведомо недостоверной информации, о нем пока не очень много наших соотечественников знают, только 17% хорошо о нем знают, еще 61% что-то слышали. Но это неважно, важно то, что когда мы спрашиваем – а нужен ли такой закон, разумеется, мы не информировали подробно, какое наказание, за что конкретно, мы говорили только о названии этого закона, а в названии четко высказано, что он устанавливает ответственность за распространение заведомо ложной информации. Поэтому, абстрагируясь от конкретного содержания закона, саму интенцию, само намерение наших государственных мужей и конкретно законодателей защитить нас от фейкньюс поддержало 83% опрошенных, то есть такой закон нужен. Может быть, не конкретно этот, но вот закон такого типа. То есть это дополнительно иллюстрирует ту мысль, что напряжение по поводу распространения широкомасштабного заведомо недостоверной информации, причем информации, которую сложно отличить от достоверной, оно достаточно серьезное.

Ну а что будет после того, как этот закон войдет в силу, тут мы определенный оптимизм зафиксировали, значит, 57% опрошенных рассчитывают, что он сработает, то есть есть вера в то, что государство, которое не смогло запретить Телеграм, все-таки сможет хотя бы ограничить распространение фейкньюс вот такими способами.

На этом все, как и обещал, значит, никаких идей, никаких суждений, только цифры.

Модератор: Валерий Валерьевич, большое спасибо за такое вот введение в контекст обсуждения проблемы нашей. Андрей Быстрицкий, председатель Совета фонда развития

и поддержки международного дискуссионного клуба «Валдай» и декан факультета коммуникации и медиадизайна Высшей школы экономики.

Быстрицкий Андрей: Вот, Валерий Валерьевич, начну с того, что вот вы пытались распространить прямо сейчас фейкньюс, вот ВЦИОМ не так хорошо все измеряет, как там всякие единые факультеты. Это же ложная новость, правда? Откровенно, так сказать.

Федоров Валерий: Я не говорил, что вы плохо измеряете...

Быстрицкий Андрей: Нет-нет, вы сказали про себя, вы себя принизили, а мы должны вас возвысить, понимаете? Вы знаете, по поводу закона, кстати говоря, тут Матвиенко пошутила по поводу того, что после принятия этого закона выбор небольшой – или ты распространяешь фейкньюс, или хвалишь государство, выбора никакого больше нет.

Возвращаясь к фейкньюс, вы знаете, мне кажется, я постараюсь быть предельно кратким, мне кажется, что проблема фейковых новостей, она не новая, есть ряд обстоятельств, которые сделали ее более острой, но вранье – это суть человека, люди всегда ввали, много, захлеб, с удовольствием, исходя из самых разных мотивов – нагадить другому, развеселить и т.д., и т.п. Как только появилась речь, особенно речь письменная, сразу появилась ложь, это вот письменная речь только для того и было, для того, чтобы обманывать, потому что главная идея разговора в том, чтобы провести коллег. Поэтому эта фейкньюс – это, так сказать, не новость.

В свое время, есть известный анекдот про то, как во время парада советских войск на трибуне Мавзолея стоят Чингисхан, Тамерлан и Наполеон. Значит, Наполеон читает газету «Правда», а Чингисхан говорит: о, какие танки, мне бы такие, я бы дошел до Средиземного моря, взял бы там Испанию. Тамерлан говорит: мне бы такие ракеты. Наполеон говорит: черт подери, мне бы такую газету, никто бы не узнал про Ватерлоо. Так что это абсолютная не новость. Вранье, испорченная информация являются типичными. И в этом смысле, более того, в здравом уме и трезвой памяти можно считать, что газета «Правда» и советская пропаганда не была преисполнена фейкньюс, она только из них и состояла, что значит наполовину? И это была сознательная работа, люди занимались, придумывали, и, кстати, с той стороны тоже придумывали всякие фокусы, я уже не говорю об обмане. То есть это было типично.

Что, мне кажется, изменилось? Во-первых, страшно повысилась видимость фейковых новостей, они стали заметны, в силу массовой коммуникации фейковые новости стали видны. Это первое обстоятельство, которое сделало. Как ни странно, в каком-то смысле проблема честности так остро стоит сейчас, а проблема фейкньюс – это проблема честности, ровно потому, что для честности открылось больше дорог сейчас в связи с массовой коммуникацией, и риски тоже выше.

Второе обстоятельство, которое очень важно, на мой взгляд – это то, что фейковые новости крайне неустойчивы. Раньше, иногда, вот Колумб исходил из неверной информации о том, как устроена земля, что не помешало ему открыть Америку. Сейчас ситуация, дело в том, что ложная новость держится примерно часа два, после чего сменяется следующей новостью. И, строго говоря, вот этот калейдоскоп фейковых новостей, крайняя неустойчивость лжи, крайняя неустойчивость обмана и составляет вторую очевидную особенность вот этих самых фейковых новостей. То есть первое – то, что стали видны, раньше в какой-нибудь деревне люди ввали друг другу про

песьеголовцев каких-нибудь. Ну почитайте Островского – приходит тетка в деревне, что она там рассказывает об антиподах, так сказать, бигфутах, кого там только не было. Но это все локально. А сейчас это все видно, новость распространяется.

А третье, значит, это то, что каждый отдельный, третье обстоятельство, которое сделало фейковые новости более существенными, это то, что каждый отдельный человек оказался погружен в никогда прежде не существовавший для него информационный океан, когнитивный диссонанс из-за сверхобилия информации, неспособность ее актуально переварить, в силу этого определенного рода расстройства, это все очень существенно.

Четвертое обстоятельство, которое делает фейкньюс сейчас отдельно, это, конечно, кризис либеральной и демократической модели мира. Это отмечают все. Мы понимаем, что Фрэнсис Фукуяма, когда говорил о конце истории, к сожалению, ошибся, история не только не кончилась, она начинается. Демократия, демократические ценности, бесспорно, под ударом, и это очень большая проблема, причем удар этот исходит из самых разных точек, и в совокупности они создают ситуацию, что вот эти самые фейкньюс тоже оказались в центре внимания.

Вот эти четыре обстоятельства, мне кажется, подчеркивают нынешнюю ситуацию. Повторюсь, сама по себе ложь является типичной, классической формой поведения человека.

Модератор: Спасибо. Это был Андрей Быстрицкий. И следующий выступающий - Алексей Николов, генеральный директор телеканала «Russia Today».

Николов Алексей: Спасибо. Добрый день, господа. Поскольку я здесь нахожусь на чужой немножко территории, я в социологии крайне слабо ориентируюсь, только в силу необходимости, с другой стороны, какие-то вещи, которые мне кажутся очевидными, они, оказывается, являются предметом обсуждения. Поэтому я извиняюсь, если будет немножко такое сумбурное выступление, сейчас какие-то вещи, может быть, буду рассказывать, которые достаточно хорошо известны в нашем профессиональном сообществе, а с другой стороны, какие-то вещи наоборот, может быть, буду говорить наивные, которые вам покажутся странными.

Давайте для начала проведем, извините, сказал, такой социологический эксперимент, 100% здесь знают про закон о фейкньюс, наверняка, тем более люди все читали это сообщение о том, что закон о фейкньюс принят, или о фейковых новостях. Давайте честно, поднимите руку, пожалуйста, кто думает, что в законе нет слова «фейковый». Это примерно 1%. Значит, на самом деле вы все читали, что Дума приняла закон о фейкньюс, значит, там нигде нет слова «ньюс» и нигде нет слова «фейк». Поэтому вот это пример того, как один человек сказал, другой, используя очень легкий, такой хорошо лежащийся заголовок, это передал, дальше это начали расшаривать разными способами. Одни, проправительственные – «какой хороший закон», другие, антиправительственные – «какой кошмарный закон у нас», реально в итоге вот эта вот часть, которую все проглотили, она осталась в памяти.

Я глубоко убежден, что если говорить о фейкньюс, то, конечно, это только явление сети, причем сети 2.0, не первого интернета, это только явление, которое может существовать и существует. Если считать что-то, все то же самое было, но тогда вообще ничего не изменилось и т.д., классический текст Цезаре Стербини, все знают, конечно, я уверен,

что вы все его знаете. Не ройтесь, пожалуйста, в справочниках, Цезаре Стербини – это автор либретто к «Севильскому цирюльнику», который написал текст арии Дона Базилио. Там все рассказано, как распространяются фейкньюс: сначала вы немножко вбрасываете, потом оно расходуется, потом об этом начинают говорить все, и наступает момент, когда это для всех абсолютно очевидная вещь. Вот если считать, что это было всегда, то тогда ничего нового мы уже не изобретем.

На самом деле, конечно, сеть 2.0 с ее функциями семантической паутины, которая в нее встроена, она, конечно, создала абсолютно новую реальность. Я уверен, вот мне поставили вопрос в моем выступлении – чем отличается дезинформация от лжи, он принципиально отличается от дезинформации, на мой взгляд, дезинформация – это всегда умышленное. Более того, умышленно распространяемая какими-то либо государством, либо какой-то очень мощной группой интересантов. Фейкньюс, так как мы его понимаем, во всяком случае, в профессиональном сообществе, очень часто, бывает, не приносит кому-то непосредственной пользы, очень часто живет по своим законам, распространяется достаточно неожиданно, приобретая формы, мутирует в такие формы, которые человек, запустивший его, совершенно не ожидал, приобретает какие-то, совершенно неожиданные виды. Клэр Уордл – это уже настоящее, это уже не шутка, был проект «First Draft News», она вообще выделяла семь видов фейкньюс, как раз вот их разделяя по тому, имеющих сатирический, пародийный вид, имеющий изначально неправильный посыл и т.д., ну это можно почитать. Интересно, что Клэр Уордл закончила тем, что она сказала, что вообще никаких фейкньюс нет, от этого термина надо отказаться, а есть три термина, не буду переводить – misinformation, disinformation и melinformation. То есть умышленная, неумышленная и ошибочная, грубо говоря. Безусловно, это приняло характер, которым очень многие пользуются.

Это, безусловно, существует как явление, на которое... Один из замечательных примеров, это проверяльщики фейкньюс - это абсолютный фейкньюс, просто этот способ, вот кто первый прибежал, вот как у нас сейчас тут, казалось, у нас столько спикеров, что не все помещаются, и бедный Петр вон сел в глубине, а потом он придет сюда. Почему? Потому что мы просто первыми заняли, поэтому я извинюсь. Так вот, то же самое происходит. Посмотрите на проекты по проверке фейкньюс, они что, один лучше другого? Нет. Просто прибежал наш суперпроект, которым мы сейчас будем разоблачать фейкньюс. Ну возьмите, погуглите, и у вас вылезет пара десятков проверяльщиков, то есть это как в доброй советской, а также отчасти российской традиции - контролеров больше, чем людей, которые работают. У нас плюнуть нельзя в нашей профессиональной сфере, чтобы не попасть в какой-нибудь сайт, который себя объявил проверяльщиком. И это тоже фейкньюс, потому что на самом деле это тоже симулятор, это люди, которые отвечают за свою проверку, за свой базар, ровно столько же, если не меньше, как любой распространитель ложных новостей.

Я не совсем согласен с Андреем Георгиевичем, который говорит, что ложная новость держится два часа. Она, может, и держится два часа, но она создает некий посыл, который затем, особенно суммируясь, накапливаясь, создавая кумулятивный эффект, создает, безусловно, очень долгосрочный эффект. Вот я думаю, что Россию, даже люди, которые там точно совершенно готовы сейчас выгнать Путина куда угодно, они не обвинят Путина в том, что он большой сторонник трансгендеров. Это последнее, в чем можно обвинить как бы Путина, российскую власть и т.д.

Федоров Валерий: Ну отчего же? Мы просто об этом не думали.

Николов Алексей: Ну как бы да. Но если подумать, то на Думу с этим тоже можно выйти. Но вы уже опоздаете, потому что я каждую неделю, я очень много читаю разных мировых СМИ, я просто по профессии, по должности, и я каждую неделю себе, иногда в блоге у себя выкладываю, чемпиона – кто самый выдающийся, кто отметился самым выдающимся высказыванием. У меня там обычно бывает, ну это неважно. На этой неделе это явно будет Fox News, совершенно необычный человек, Такер Карлсон, который, вообще говоря, обычный человек, очень консервативный. Он и здесь очень консервативный.

В понедельник замечательное интервью с олимпийской пловчихой, британской, Шэрон Дэвис, которая выступает против трансгендеров, мы эту проблему не очень видим, а она там в Британии, в США - страшная проблема, потому что происходит следующее: любой мужик может себя объявить трансгендером и заявиться в любые женские соревнования, его нельзя не пустить туда, это будет политнекорректно. Мы еще с этим делом хлебнем, вы еще это увидите, даже если вы не интересуетесь спортом.

И вот консерватор Такер Карлсон берет у Шэрон Дэвис, которая возмущается, и он ее поддерживает, говорит: вы знаете, вот какой же вы молодец, Шэрон, что вы выступаете против этого, что да, это вот либеральные ТВ, на нас, это вообще невозможно. А говорит – дело в том, что вот я, цитирую: «Это что значит? Это значит, что на самом деле, если Путин захочет выставить против нас своих мужчин-спортсменов, против Великобритании, он может это сделать прямо сейчас». Это вот как раз те самые фейкньюс, которые два часа живут - одно, третье, пятое, а потом вдруг у человека просто автоматически на слове «что-то плохое»... но это же дракон, мы же все знаем из известной сказки, что даже если никто не видел дракона, но все точно знают, что все плохое происходит из-за дракона, который приходит оттуда. Ну вот так, если очень коротко, в качестве завязки для дискуссии.

Модератор: Это был Алексей Николов, генеральный директор телеканала «Russia Today». Следующее слово Петру Лидову-Петровскому, директор по корпоративной связи информационного агентства «Спутник».

Лидов-Петровский Петр: Да, спасибо большое. Я представляю «Россию сегодня» и «Спутник» в том числе, «Спутник» работает у нас на 32 языках по всему миру, очень много. Есть две редакции, собственно, отдельных, мы постоянно с этой проблемой сталкиваемся. Я пару, если позволите, ремарок, мне очень понравилось то, что Андрей Быстрицкий рассказывал про ложь, я вот на 100% с вами согласен, потому что, действительно, ложь, она в природе человека.

Я начал думать, и она, ложь-то, она не всегда плохая, она на самом деле чаще хорошая. Почему? Вот вы пришли к маме, например, на ужин, вас покормили – понравилось тебе, вкусно было? Ты говоришь – вот, вообще отлично было, вот прекрасно было, даже несмотря на то, что пост и т.д., значит, мы не хотим кого-то обидеть. Или иногда мы, например, на собеседование кто-то из вас приходит, и у вас начинают – у вас какой опыт работы? Или вы как вообще, молодец ли? Конечно, молодец. Вы знаете, я, да я вообще! Или девушке кто-то хочет понравиться, да? Что же вы, так сказать, ну мы немножко.

Поэтому ложь, она, конечно, в природе людей, и люди врут, и я даже слышал цифру, что каждый человек врет примерно 1 раз в 10 минут, в среднем. А ещё каждый из нас постоянно врет сам себе, вот просто постоянно, что вот сейчас закончим и пойду спортом займусь, а потом, значит, нет, все-таки не пойду. Поэтому действительно, мне кажется, это очень правильно, и действительно ваши выводы о том, что изменилось, если серьезно, действительно изменились, наверное, форматы подачи, объем информации и т.д.

Теперь пару слов о проблематике, с которой мы сталкиваемся. Речь шла о законе, значит, проблема существует следующая в законодательстве. Во-первых, нигде нет определения, что фейкньюс, это всегда довольно умозрительно. Не буду вдаваться в историю происхождения термина, но для всех абсолютно очевидно, что термин «фейкньюс» используется скорее как политический штамп, которым награждают оппонента, в независимости от того, что он там пишет.

И вот здесь как раз пример Алексея по поводу проверяльщиков, вот он идеальный. В Еврокомиссии, где там, в Евросоюзе, есть специальные структуры, они, по-моему получают, там сидит несколько человек, которые мониторят интернет-пространство на предмет наличия вот этих самых фейкньюс. У них, им ассигновано, по-моему, около миллиона евро в год, они этот бюджет тратят. Тут, правда, голландцы возмутились недавно, что они тратят, на сайт что-то вешают. Значит, разоблачения там примерно такие: российские государственные пропагандистские СМИ, включая все каналы, «RT», «Спутник» и т.д., заявляют, что маневры вооруженных сил НАТО в Норвегии направлены против России. И, значит, такой красивый знак – фейк! Почему? А вот заявление генсека НАТО, который сказал, что маневры направлены на укрепление безопасности стран-членов союза, то есть даже не прямое отрицание, а просто ну вот примерно такие там разоблачения.

Забавно, что там почему-то очень много так называемых фейкньюсов из грузинских социальных сетей. Я подозреваю, что там просто работает грузин, который сидит в фейсбуке, и там, что находит, он туда тоже это разоблачает заодно до кучи. Поэтому действительно, это очень важно понять, что это политический инструмент.

С чем сталкиваемся мы и что мы видим? Наши законодатели, они люди талантливые, и они молодцы, так как они отвечают, как сказал Валерий, запросам общества на то, чтобы спасти граждан от этого безумия, но они далеко не первые. Соответствующие законы приняты там, где работаем мы, в Германии, например, там сейчас действует закон, принятый в 17-м году, который позволяет властям страны, там просто механика немножко другая, они штрафуют распространителей. А у них там распространитель один – это фейсбук, потому что народ там, в основном, новости получает из фейсбука, соцсеть тоже одна, это у нас много, опять же, плюрализм, у них одна. Поэтому фейсбуку предписывается убирать по требованию властей то, что считается фальшивыми новостями, в течение 48 часов, а иначе им светит штраф до 50 миллионов евро. Очень убедительная мера.

В США, где действует, собственно, свобода слова и нельзя, конечно, таким вот образом никого ограничивать, там методы другие. Там тоже фейсбук, а 70% американцев информацию любую и новости получают оттуда, там руководителя фейсбука товарища Цукерберга регулярно вызывают в конгресс и проводят с ним воспитательную работу,

говорят, что ты, товарищ Цукерберг, там вот у нас тут выборы, а кое-кто вмешивается, ты там наведи порядок. На следующий день он, значит, организовывает таск форс, они садятся, наводят порядок, ну а иначе мы тебя там оштрафуем и т.д., и т.п. Тоже механизм есть.

Франция, наша любимая страна, где, собственно, борьбу с нами ведет лично президент Макрон. Принят закон в этом году, который будет позволять при наличии угрозы национальной... Да, кстати, про Германию хочу напомнить, что вот эта вот мера, там большой список, по каким поводам она может применяться, в том числе, и оскорбление органов государственной власти. Во Франции там ситуация еще интересней, во Франции Макрон вообще хочет взять интернет-пространство под свой контроль - они приняли закон, который будет позволять французским властям, в случае наличия угрозы национальной безопасности, например, угрозы вмешательства в выборы так называемой, просто СМИ закрывать, и все, на какой-то срок, и нормально. Вот такая у них там спокойная демократия. Хочу напомнить, что у нас подобное вообще не очень практикуется. Есть, конечно, способы и меры, они используются, но не так уж вот откровенно. И я тоже читаю регулярно западную прессу по необходимости служебной, там, значит, вот это наш закон о борьбе с фейкньюс, «Washington Post» и другие прогрессивные издания, они, значит, заклеямили, обязательно про Сталина и ГУЛАГ рассказали в середине, ну и вообще молодцы.

Вывод хочу сделать такой, что, на мой взгляд, существует ряд проблем. Во-первых, сам термин «фейкньюс», действительно, повторюсь еще раз, больше является политическим штампом, чем чем-то конкретным, нет его законодательного определения, используется он, очевидно, для установления контроля, нужен он или нет – большой вопрос, потому что, опять же, не могу не согласиться, совершенно разумно – чем больше новостей, тем, с одной стороны, конечно, сложно разбираться. Но, с другой стороны, у вас больше разных точек зрения, и если вы человек мыслящий, то у вас больше возможностей найти правду, а не просить, чтобы государство делало это за вас. Но, опять же, жизнь, она несколько сложнее, и напомню, что в военное время за рассеивание паники и распространение всякой информации вообще-то расстреливали. Если прийти к выводу, что у нас сейчас вот идет информационная война, то действия наших западных партнеров, они вполне оправданы, ну и нам, наверное, надо отвечать же, но это я уже с точки зрения какого-то силовика сейчас рассуждаю. Поэтому тема сложная, многогранная, вопросов много, спасибо.

Модератор: Большое спасибо, это был Петр Лидов-Петровский, МИА «Россия сегодня». И у нас время летит очень быстро и первый вопрос, он тяжелый, тем не менее, я дам возможность свободного микрофона, но перед этим хотелось бы дать слово зарубежным коллегам, которые тоже имеют свою точку зрения на этот вопрос. Можно запустить первое самое видео? Профессор университета Джорджа Вашингтона, США. У нас почему-то нет звука, но есть субтитры, соответственно.

Быстрицкий Андрей: Я думаю, что это не очень сложно, прочтет. У нас здесь живой Александр Митч. Давайте там звук наладят, попросим коллегу из Сербии.

Модератор: Давайте сделаем так.

Быстрицкий Андрей: Говорите по-английски, как можно короче.

Александр Митч: Извините, что я говорю по-английски.

(говорит на английском языке)

Модератор: Большое спасибо. Александр Митч, вот такой подробный разбор кейса, который позволяет говорить, что мы перешли уже к обсуждению второй темы, и многие выступления, которые сейчас прозвучали, они затрагивали вопрос, как распространяются фейкньюс, какие задачи с их помощью решаются. Частично уже ответ на этот вопрос прозвучал. Я еще дам слово экспертам по этому вопросу, но хотелось бы, чтобы коллеги высказались, кто желает, с короткими репликами, которые либо что-то добавляют, либо, наоборот, дискутируют с тем, что уже было сказано. Кто-то хочет высказаться из зала? ОК, если желающих нет, тогда давайте продолжим следовать по программе. И я хотел бы предоставить слово для реплики Роману Карманову, заместителю генерального директора издательского дома «Комсомольская правда».

Карманов Роман: Большое спасибо за приглашение. Добрый вечер, уже вечер – это не фейк, абсолютная правда. Я бы хотел часть своего выступления или реплики посвятить первой теме, поскольку участвовал в реакции на приготовление к тому, чтобы принять закон о фейкньюс, и на самом деле должен сказать, что мы, как средство массовой информации, долгое время к фейкньюс относились достаточно снисходительно, потому что нас это касалось в меньшей степени. Мы информацию перепроверяем многократно и, в общем-то, носились к этому философски. Ровно до тех пор, пока не пришла пора бороться с этим явлением, и мы не оказались на первом заседании, которое было посвящено обсуждению этого закона. И собственно, я там оказался и с ужасом обнаружил, что действительно никакого определения фейкньюс нет и более того, его, собственно говоря, и быть фактически не может, потому что вот сколько людей в этом зале, каждого спроси и каждый под этим, будет, конечно, подразумевать свое.

Но одно дело, когда мы находимся с вами в этом зале, другое дело когда этим занимаются люди, которые собираются принять закон, и в данном случае разброс этих мнений был очень большой. В частности, например, фейкньюсом были признаны случаи со взрывом Фукусимы в свое время, и того, как дальше развивались события. В конечной точке это была паника населения, которое собирало чемоданы и собиралось смываться из Сахалина в европейскую часть России, поскольку боялось того, что облако из Японии придет и накроет всех радиацией. Но на самом деле, почему все это происходило, ответственность за это возложили люди, которые занимались принятием закона о фейкньюс или разработкой закона, на средства массовой информации, но на самом деле, в основе этого было совершенно официальное МЧС, который выдавал ежеминутные сводки, который говорил куда, учитывая розу ветров, это все пойдет. Это одна из иллюстраций того, как средства массовой информации могут обвинить в том, что они не делают.

Вторая история была, которую тоже приводили в пример, активность брянского губернатора в Фейсбуке, когда он опубликовал пост о сборе средств ребенку и там, естественно, началась активность в Фейсбуке со стороны людей, которые предъявили ему, что он губернатор и должен эти проблемы решать как представитель органов власти. Этот пост быстро убрали, средства массовой информации все-таки об этом написали, и в результате оказалось, по тем примерам, что приводились, что средства массовой информации в этой ситуации не правы.

Собственно говоря, я считаю, невозможно бороться с фейкньюс просто потому, что нет единого никакого определения, его и быть не может, это с одной стороны. С другой стороны, это история абсолютно опасная, потому что что такое фейкньюс в руках профессионала? Это инструмент манипуляции, естественно, и те случаи, которые касаются политики, в первую очередь, конечно, те случаи, которые касаются просто манипуляций, связанные с экономическими вопросами, в любом случае самая опасная ситуация, когда фейками начинают заниматься профессионалы.

Но на самом деле, я считаю, что мы находимся, в том, что касается распространения, это более-менее понятно, это люди, которые профессионально занимаются пиаром, это люди, которые занимаются профессионально политикой, это люди, которые желают добра, но все-таки в основе распространения фейкньюс – это наше первобытное желание сообщить об опасности, об угрозе. Но, в общем, так получилось, что в современном обществе мы все становимся людьми, которые в дозоре стоят и друг другу пытаются что-то сообщить, и, понятно, испытывают непреодолимую тягу к тому, чтобы об этом рассказать. Но мы находимся, я считаю, еще в начале пути в том, что касается фейкньюс, и во многом, наверное, зависит дальнейшее развитие событий от людей профессионально подготовленных, которые с этими законами дальше будут иметь дело. В конце концов они могут вспомнить в какой-то момент, что еще каких-нибудь 15-20 лет назад никто из нас не мог распространить никакую новость просто потому, что у нас не было такого инструмента, как канал коммуникаций публичный. Например, сейчас ситуация выглядит так, как будто в многоэтажном доме в каждой квартире кто-то печатает свою газету и разносит по соседям. Каждый буквально этим занимается в своих социальных сетях, каждый является средством массовой информации или в Телеграме, или в Фейсбуке, или в Одноклассниках, или еще где-то, но на самом деле, 15-20 лет назад каждое средство массовой информации нужно было зарегистрировать законным образом и только тогда ты мог сообщить что-то большому количеству людей.

Мы сейчас находимся в ситуации, когда незарегистрированных средств массовой информации сотни тысяч, и, собственно говоря, это никак не регулируется, в интернете множество информационных ресурсов, которые так себя и называют - информационными ресурсами, и они могут распространять любую информацию. Но в данном случае регулирование, как показала практика, касается именно зарегистрированных средств массовой информации, и именно за нас взяли в первую очередь. Я считаю, что это несправедливо, и мы об этом много говорили, и понятно было, что именно средства массовой информации находятся в поле зрения в первую очередь, поскольку все остальное регулировать пока, в общем, практически невозможно, и наша задача была, по крайней мере, в том, что эту регуляторную деятельность попытаться смягчить и не допустить, чтобы она сказалась на зарегистрированных средствах массовой информации в худшую сторону.

Например, как могло бы быть, если бы приняли первую версию этого закона? К примеру, некий населенный пункт, на территории которого существует, допустим, атомная станция. Понятное дело, что время от времени средства массовой информации местные какие-нибудь, поселковые, выдают информацию о состоянии среды, и они могут в том числе давать информацию о загрязнении окружающей среды. Понятное дело, что время от времени там возникают паники, но чем это могло закончиться? Средства массовой информации это поселковое оштрафовали бы на миллион рублей, и

после первого случая, я думаю, оно бы прекратило свою деятельность. Вот пока наша задача была в том, чтобы, по крайней мере, не допустить, чтобы массово стали закрываться СМИ из-за того, что кто-то интерпретировал новости как фейковые. Ну в том числе туда можно было просто отнести просто ежедневные сообщения, допустим, о радиоактивном загрязнении - уровень такой-то, который каждый из нас мог бы интерпретировать совершенно по-разному.

То есть я думаю, что к чему это все, мы за какой-то даже не год прошли путь от достаточно, скажем, спокойного отношению фейкньюс, к признанию того, что это неизбежное зло, до регулирования, до начала регулирования, и я думаю, что дальнейшие попытки ограничивать, они дальше будут происходить и они будут все более свирепыми, я уверен. Потому что, на самом деле, конечно, борьба с фейкньюс – это такое же веселое и увлекательное занятие, как и распространение этих самых фейкньюс, поскольку целому огромному количеству людей дает возможности, в общем, как мы с вами, сегодня заседать и обсуждать это все. Ближайшее, где мы будем все это обсуждать, будет Ялта, там мы тоже сядем и будем разговаривать о фейкньюс. Вот, собственно говоря, на этой оптимистической ноте я хотел бы закончить свое выступление, спасибо.

Модератор: Спасибо, Роман Карманов, заместитель генерального директора издательского дома «Комсомольская правда». Следующий выступающий - это еще один представитель «Россия сегодня», руководитель социальных и медийных исследований Елена Слинько.

Слинько Елена: Добрый день, вернее уже вечер. Я хотела бы, во-первых, я сижу и думаю, хорошо ли для сотрудника новостного агентства называться экспертом по фейкньюс, я думаю, не очень. Поэтому я не эксперт по фейкньюс, я руковожу как раз центром исследований, которые изучают, проводят опросы общественного мнения, мы проводим достаточно много опросов за рубежом, потому что «Спутник» - это один из брендов, который входит в МИА «Россия сегодня».

Сегодня мой нарратив будет основан на тех опросах, которые мы проводили на протяжении, страшно сказать, уже, получается, 5 лет, начиная с 14-го года. И сегодня коллеги уже говорили, сложно выступать после таких хороших ораторов. Сегодня коллеги много говорили о том, как фейкньюс много, как фейкньюс возникали, и мы тоже в 15-м году поймали тот момент, когда фейкньюс еще не был как термин, не использовался активно, понятно, что он стал активно использоваться после кампании Трампа. Сначала как, я здесь уже скажу больше свое мнение, что он начал использоваться, да, для того чтобы понять, на самом деле, что это такое.

Хорошо бы понять, как он возник и какую функцию он играет до сих пор, потому что ничего не возникает из ничего. Мы знаем, что фейкньюс, знаете, еще Иван Грозный писал, что шведский король какую-то хулу и напраслину на меня возводит. Можно в истории России, здесь есть где посмотреть. Хула и напраслина была всегда.

Почему сейчас фейкньюс, начиная с 16-го года, таким образом приобрели такую важность? Если посмотреть на 15-й год, мы задали несколько опросов, у нас запустили «Спутник» активно в 14-м году, нас интересовало, есть ли вообще интерес к нашим новостям, к российским новостям, как к такой альтернативной повестке дня. Мы начали издавать, мы сначала спросили: скажите, вы считаете у вас вообще СМИ

беспристрастные и альтернативные, или они находятся под властью крупных политиков и бизнеса? Каково же было наше удивление. У нас абсолютно во всех странах - мы проводили опрос в 6 странах и в 6 странах сказали, что, вы знаете, на самом деле, под влиянием, в объективность верят значительно меньше людей. Просто для примера, чтобы не перегружать цифрами, 49% в Германии сказали, что все-таки под влиянием политиков, и только 36% - освещают беспристрастно. И цифры подобные везде в 4-5 странах. Это был не очень ожидаемый результат, потому что на тот момент казалось, 15-й год, Россия, ужас-ужас.

Мы пошли дальше и спросили: а что вы думаете об украинском кризисе? И насколько вообще вам кажется, что можно доверять тому, что пишут об украинском кризисе западные мейнстрим-медиа? 15-й год. Мы получили результат о том, что... только 4 страны, правда, участвовали: Франция, Греция, Германия, Британия. Греция, потому что мы думали об открытии там хаба, признаюсь честно, выдам тайну. Только одна Великобритания сказала, что 55 довольны, больше половины, и только треть сказала (треть, на самом деле, тоже много), что не доверяют. А вот Франция: 47 - не доверяю, 40 - доверяю, Германия: 57 - не доверяю. Это очень большая цифра, и только 38 доверяют тому, что говорят об Украине.

Мы обнаглели и... На самом деле, это не мы, естественно, что проводим эти опросы с крупными западными компаниями. Если это интересно, могу потом сказать. Мы спросили: а что вы думаете насчет, хотели бы вы получать какую-то альтернативную информацию из российских СМИ? Насколько вам вообще интересно получать эту информацию из российских СМИ? 15-й год, у нас информационная война в разгаре. И мы получили, что на самом деле, везде, кроме Франции, Франция - 49%, везде, по всем странам - Великобритания, Германия, США, всем интересно. И мы специально упомянули не просто альтернативную точку зрения, именно российские СМИ, знаете, вот хотелось бы знать. Соответственно, мы получили, что больше половины, им интересно получать альтернативную точку зрения.

Если сейчас на это смотреть, то понятно, что эти результаты можно интерпретировать, здесь вот моя интерпретация, как некоторый кризис доверия к тем СМИ, которые на тот момент и сейчас продолжают быть мейнстрим-медиа. Мы имеем, с одной стороны, кризис, с другой стороны, мы имеем запрос на некую альтернативную точку зрения, это 15-й - начало 16-го года, а в 16-м году у нас появляется тема фейкньюс.

И вот моя интерпретация такая, что мы в какой-то момент... что такое фейкньюс? Во-первых, это - «царь не знал». Что значит - царь не знал? Народ был плохо информирован страшными жуткими хакерами, чаще всего российскими, и поэтому проголосовал не так. То есть первая функция фейкньюс была - объяснить, что пошло с электоратом не так, причем, если мы посмотрим, это часто используется до сих пор - с электоратом в Британии что пошло не так, Брекзит, что пошло с электоратом во Франции тоже не так, очень сильно не так. То есть это такая попытка объяснить, а что не так.

Вторая функция - вообще это прекрасная тема, убивать сразу двух зайцев, первая - объяснять, что царь не знал, а второе - он объясняет, а что такое альтернативная точка зрения. Потому что, если мы видели этот запрос на альтернативную точку зрения, то этот запрос видели, естественно, все умные люди в Европе, в США и так далее. Эта очень прекрасная конструкция, которая позволяет вывести вообще российскую точку зрения и

похожие на нее из некоего правового поля. Вот есть мейнстрим-медиа, есть некая альтернативная точка, можно опубликовать статью в «Ле Монд», которая не отвечает официальным, правда, после этого можно работу потерять, но это неважно. Вот есть некие страшные фейкньюс, которые вообще, собственно говоря, за пределами правового поля. Это решает задачу, это не позволяет, на самом деле, вырваться, стать источником информации, которые дают абсолютно другой взгляд на вещи вровень с такими признанными газетами, которые существуют 100-120 лет.

Что из этого получилось? 4-5 лет прошло и я могу сказать, что из этого получилось. Здесь я буду опираться уже скорее на исследование, которое провел «Ипсос» в июле 18-го года, он как раз ту задачу, которую мы сегодня пытаемся решить, а что же такое фейкньюс, он решил по своему и очень, мне кажется, хорошо. Он спросил: как вы считаете, что такое фейкньюс, на ваш взгляд? Первый ответ это был – неверные факты, и здесь угадайте, в какой стране люди, когда слышат «фейкньюс», меньше всего понимают под этим неверные факты. В нашей с вами, России. Россияне чувствуют, что что-то с фейкньюс не то, это, в общем, про них, но как бы... в общем, в России меньше всего людей, которые понимают это так и, в общем, по понятным причинам, потому что фейкньюс – действительно политизированный термин.

Но мне понравился больше всего второй ответ: когда используют односторонне. А вот третий ответ прекрасен - это термин, который используют политики и медиа, когда нужно дискредитировать точку зрения оппонента, и это прекрасно. Вот здесь вот угадайте, какая страна лидирует по количеству людей, которые верят в это определение? Есть мысли?

Реплика из зала: США

Слинько Елена: Да, абсолютно, США – 51% людей сказали, что это, собственно говоря, оно и есть. И если говорить о том, насколько термин выполнил свои функции, в США он их не выполнил, то есть альтернативная точка зрения, здесь фейкньюс не смогли ее вытеснить, это стало определением для того, когда политики используют этот термин как термин, который позволяет дискредитировать другую точку зрения. Я еще читала очень милые сетования одного американского журналиста, могу найти ссылку, чтобы это не было фейкньюс, который говорит: вы знаете, Трамп так часто используют эту тему, что абсолютно уже нет смысла использовать для российских СМИ. Это ужасно, на самом деле, что он это использует это против CNN, против мейнстрим-медиа, и это такая, естественно, наверное, личная точка зрения журналиста, но очень милая. Это то, что произошло в США с этим термином и с его пониманием.

Теперь, что произошло во Франции? Во Франции... вообще, вы знаете, нам с коллегами из «RT» надо объединиться и господину Макрону какой-нибудь приз выдать, потому что он как только говорит, что нужно бороться с российским влиянием, с «RT», со «Спутником», который распространяет фейки, у нас сразу рейтинги поднимаются. В общем, ему приз давно пора. Что произошло с этим «RT» и «Спутник» за это последнее время - вошли в топ, будем говорить по разным месяцам, 20-25 СМИ Франции, вы понимаете, что это наравне с теми газетами, что существуют по 100 и больше лет, и с теми газетами, что писали: «корсиканское чудовище высадилось в Марселе» и «Император Франции Наполеон вошел в Париж» через две недели. Это вот те самые французские СМИ.

На самом деле, французы голосуют (у нас говорят – ногами, у них – кликами) кликами, то есть они приходят, они читают новости. Соответственно, вот эта концепция фейкньюс с этой точки зрения, она, мне кажется, во Франции не удалась. Есть некие альтернативные точки зрения, которые читаются, то есть они она не были, другие альтернативы, не только российские СМИ, они не были выведены за пределы некоего какого-то правового поля, назовем это так.

И на самом деле, есть третье, что происходит в Великобритании, и в США тоже, если судить по этому же опросу «Ипсос», его можно найти в сети. На самом деле, в США и в Британии, в отличие от других стран, люди чаще стали выбирать ответ, что людям вообще сейчас не интересны новости о политике, они просто верят во что хотят. Это уже такое нежелание разбираться, что такое фейкньюс, это такой отход, но это не характерно для Франции и Германии, это характерно для Британии и США.

И вы знаете, я хочу закончить на таком, на том, что такое тоже на самом деле фейкньюс. На самом деле, я где-то прочитала у психолога, что люди в какой-то степени похожи на гусят, на новорожденных гусят. Что, собственно говоря, когда родился гусенок, может, кто-то знает, есть такая концепция импринтинга: он кого первым увидел, тот и мама. Если он, не дай Бог, увидел желтый шар, значит, желтый шар - это мама и, в общем, понятно, что с ним произойдет, и это ужасно. Люди, на самом деле, они тоже, новая информация хранится дольше, запоминается лучше, больше, чем последующая, и мы все-таки отличаемся от гусят, у нас эта информация, чем чаще она повторяется, тем больше мы ей верим. Соответственно, как пример такой я могу привести исследование, которое мы сделали вместе с крупнейшей французской исследовательской компанией «IFOP». Мы два года назад, где-то в апреле провели исследование на тему того, кто победил фашизм во Второй мировой войне.

Почему «IFOP»? Потому что с ними очень приятно работать, а второе - потому что они в мае 45-го проводили опрос во Франции, тоже спрашивая, кто победил во Второй мировой войне. И я скажу, то тогда, по данным того опроса, 60% сказали, что это был Советский Союз, 57-58% французов сказали, что это был Советский Союз. Мы провели с ними исследование два года назад: как вы думаете, какая страна победила в умах французов спустя 75 лет. Те же самые 60% – США.

И вопрос, на котором я заканчиваю: что такое фейкньюс? Это многочисленные импринтинги, которые настолько поменяли отношение на противоположное за длительность человеческой жизни. Спасибо большое.

Модератор: Спасибо, мы переходим к третьему вопросу нашей повестки дня, о последствиях распространения фейкньюс и, в частности, о кризисе социального доверия - есть он или его нет, на самом деле. И здесь первый выступающий, я хотел бы предоставить слово Игорю Задорину, группа компаний «Циркон». Игорь Евгеньевич, прошу вас.

Задорин Игорь: Спасибо большое. Я хотел сначала поговорить действительно по теме, но предыдущие спикеры, конечно, вызвали большой мотив вообще выступить с совсем другой позиции. С позиции такого олдскульного социолога, человека, который бы хотел вернуть вопрос о лжи из вопроса национальной безопасности к вопросам просто этики и морали. Все, кто до сих пор выступал, они фактически выступали с тем, что - ну да, доктор Хаус говорит «все лгут», и это норма. И дальше в рамках этой нормы возникает дискурс о

том, каким образом мы можем победить в борьбе с этим потоком лжи со стороны, предположив соответствующий поток о своей стороне.

Вопрос не лежит в зоне этики, к сожалению, и вот фактически тот самый постмодернизм пресловутый, который смещает социальную норму. Да, люди всегда врал, да, это написано в Библии, но при этом испокон века ложь была грехом, и в этом смысле даже если все врут, все равно фиксация того, что это не норма, а это грех, он нужен постоянно. Это я специально Андрею Георгиевичу говорю, поскольку с ним спорю постоянно, как с известным циником, прагматиком, прошу прощения за то, что чуть-чуть сбился. Я надеюсь, что он слышит.

Ложь - не норма, не может она быть социальной нормой, даже если все люди в той или иной степени врут. Почему? Потому что следующий шаг после этой нормы является уже принятие этого, как само собой разумеющегося, а соответствующее поведение в рамках этой социальной нормы. И ложь становится не просто допустимой, она становится привлекательной. Здесь неоднократно мелькали такие слова, как «а мы играем в фейк», «а мы играем в ньюс», «а это прикольно», звучали не здесь, но в других местах многие фразы от молодых людей. Прикол становится более важным, чем собственно правда, это более интересно и более востребовано.

Теперь перехожу к тому, что, собственно, хотел сказать, о востребованности. Дело в том, что мы не обеспечим никакую защиту от фейков, если только будем действовать на субъектов производства этих фейков. Надо сказать о том, что сейчас таково общественное устройство, таково массовое сознание, что оно, вот опять же, через принятие этой нормы, начинает допускать ложь, как само собой разумеющееся в этом самом информационном потоке.

Понятно, что мы задаем вопросы регулярно с 2008 года: как часто вы встречаете в СМИ то или иное сообщение, которое вызывает у вас сомнение или подозрение на то, что это ложь? Все эти 10 лет устойчивый процент: часто, очень часто и довольно часто - более 50%, то есть люди живут в этом самом информационном потоке, который они вполне воспринимают как поток, который несет им эту самую ложь, и не сопротивляются. Почему?

Задаем следующий вопрос: а что вы будете делать если вы встретите в СМИ такую-то информацию сомнительного свойства? Тоже мониторинг уже 10 лет ведем. Постоянная устойчивая цифра была 20% тех людей, которые говорят: ничего не буду делать. Есть некоторые, которые говорят: да, будем перепроверять там-то и там-то, в таких-то каналах, но 20% уже готовы к тому, чтобы воспринимать это как норму и ничего с этим не делать. Сейчас этот процент снизился, до 10-15%, но за счет чего? За счет того, что резко увеличилась доля ответов респондентов, которые говорят: да, будем перепроверять. Где? В интернете. То есть в этой самой же, прошу прощения, помойке. Перепроверять на честность, на правду, ну абсурдно.

И задавали, опять же, у нас было целое исследование, которое благодаря фонду «Медиастандарт» проведено, я думаю, что оно будет опубликовано полностью, про неформальные СМИ, про спрос на то, что наши респонденты, наши граждане уходят из потока, из информационного поля формальных СМИ, зарегистрированных, то есть те, которые действуют в рамках закона и которые должны соблюдать, уходят в поле так называемых неформальных СМИ, не зарегистрированных, то есть блогеров и так далее.

И что их там привлекает, собственно говоря, в том потоке, где, вообще-то говоря, нормы снижены, правовые ограничения снижены, и в этом смысле больше вероятность встречи с ложью. А как раз привлекает ровно это. В рамках фокус-групп нам говорят: ну да, у официальных СМИ там цензура, там их проверяют, а вот эти самые независимые СМИ, эти самые блогеры, они могут, я прямо цитирую, «они могут и правду залить, и неправду, и это классно».

То есть в этом смысле свобода этих самых независимых СМИ ценится больше, чем правда. Почему? А потому что такова уже становится социальная норма, таким образом определенные приоритеты распространяются, понятно, что не на всех, но тем не менее, на довольно большую группу наших граждан эти ценности распространились. СМИ могут врать, в восприятии этих людей, СМИ не только иностранные могут врать, но и наши, и это тоже допускается. Опять же, они же борются, соответственно, имеют такое же право и это становится вполне той самой нормой, то есть размытие некоторых принципов, правил, тех самых норм, которые были, прошу прощения, испокон века.

И хотел бы просто обратить внимание, заканчивая свой клип, как здесь говорили тем, что мы не защитимся, даже если возвращаться в дискурс не этики, а в дискурс национальной безопасности, мы не защитимся от этой лжи чужой, если мы не только на источники будем действовать, а все-таки на реципиентов тоже, создавая у них определенные нормы, правила и восприятия этой лживой информации как лживой, а не как нормальной. Мы не обеспечим эту безопасность, если не будем их учить распознавать ложь от не-лжи.

Я веду в Фейсбуке очень небольшую группу уже 5 лет под названием «Гражданская оборона в информационной войне». И там мы ее создали как раз в 14-м году, когда количество раненых и контуженных в этой информационной войне заметно превысило, уже стало осязаемым, и уже стали собирать и обсуждать различные способы и методы противодействия тем же самым фейкньюс и так далее. Надо сказать, довольно много же способов существует, причем, подчеркиваю, это дело не только профессионалов, то есть фактически мы должны распространять эти нормы, распространять эти технологии фильтрации. Не случайно в последнее время многие компании, действительно в современное время они перешли, у них приоритет сдвинулся в разработке средств по поиску, то есть от сбора информации, к фильтрации. Это сейчас общая проблема, и мы должны дать нашим гражданам возможность фильтрации, возможность распознавания лжи и для того, чтобы все-таки более-менее чистить контент. Информационная гигиена, информационная экология – вот тема, которую должны обсуждать при обсуждении фейкньюс. Спасибо.

Модератор: Спасибо, Игорь Евгеньевич. Я бы хотел предоставить слово для следующей реплики Федору Минскому, участнику международного проекта «Стратегическая документация Стратдок.»

Минский Федор: Добрый вечер. Моя речь, мой нарратив будет продолжать в какой-то степени речь моего коллеги Александра Митича, потому что он единственный, кто упомянул сегодня о стратегических коммуникациях, и в целом мы обсуждали и раскрывали тему того, как фейкньюс воспринимаются обществом, какую реакцию формирует общество на то или иное явление в фейкньюс. Однако стоит отметить, что сама реакция и создание этой реакции - это тоже процесс контролируемый.

Именно этот процесс, именно этим процессом и занимаются институты стратегической коммуникации. В России они еще развиты не настолько сильно и глубоко, однако это прежде всего целевое направление в странах НАТО и Евросоюза. Если вкратце объяснить концепцию стратегической коммуникации, она выходит за категории информационных сообщений, информационных продуктов и месседжей и имеет прежде всего перед собой задачу воздействия на социально-психологические структуры общества и поднимает фундаментальные вопросы безопасности и национальных интересов. Кстати, эти интересы не всегда будут являться национальными, в плане изучения стратегических коммуникаций, потому что это будут интересы политических институтов Евросоюза и НАТО.

Соответственно, как уже было упомянуто сегодня Петром Лидовым-Петровским и Алексеем Николовым по противодействию информационному влиянию, с какими трудностями сталкиваются российские СМИ, которые вещают для европейского потребителя. Однако не стоит принижать важность вот этих организаций, которые занимаются стратегическими коммуникациями, потому что чаще всего мы имеем какой медийный продукт, который является обзором дезинформации.

Однако сами процессы намного глубже, чем мы можем себе представить. Так, например, если изучать динамику появления институтов международных аналитических центров, которые занимаются проблемами стратегических коммуникаций в контексте противодействия, информационному противодействию России, то динамика значительно выросла за последние 7-8 лет. Основным аналитическим центром является Stratcom Centre of Excellence, центр передового опыта, который не входит в основную структуру НАТО, однако является важной целевой группой в формировании информационного поля и восприятию информационного поля, которое выходит со стороны России на европейского потребителя.

Также открывается большое количество институтов, как гражданского, так и военного толка, например институт в Праге международных отношений, а также знаменитый аналитический центр Bellingcat, наиболее упоминаемый в медиасфере. Как я уже упомянул, эта сфера является некой военно-академической средой, которая ставила перед собой задачу изучения российского информационного влияния на страны Евросоюза и НАТО. Ключевыми направлениями, естественно, являются восточные страны Балтики, а также Балканы. Однако сами группы не создают продукты чисто аналитического свойства для академической среды, они пытаются пролоббировать свои интересы через медиа, уходят на определенные политические уровни, что ведет к принятию определенных законопроектов. То есть мы воспринимаем эту группу как неких ученых, которые пытаются найти фейкньюс в российской информационной среде, которая вещает на Запад, однако набор целых стратегических, аналитических групп, которые вначале формируют повестку, а потом эту повестку через медиа выносят на политические уровни, а через медиа выносят на ключевые аудитории для получателей тех самых новостей.

В целом сейчас, хоть сегодня и было упомянуто, что в целом престиж в странах Франции, мы сказали о процентах 49-46, но практически 50 на 50, что есть доверие к нашему «Спутнику», однако если мы посмотрим на эти же доклады, касаемые стран Балтии, то в целом в странах Балтии и Восточной Европы, Польша, Чехия - приблизительно одна треть доверия. Точными цифрами я сейчас перегружать не буду, в целом одна треть населения

доверяет источникам, которые по факту являются российскими. И здесь для нас основная проблема, что та же информация, что подается «Russia Today», это информация альтернативного толка, она не является дезинформирующей, фейковой и т.д., однако в умах европейских потребителей она становится именно такой, благодаря тем самым институтам.

В целом уже сейчас на законодательном уровне, могу привести пример, в конце 2018 года от Евросоюза был разработан Action Plan against disinformation, он приурочен к предстоящим выборам в Европарламент, которые пройдут в мае 2019 года. Исходя из многих-многих пунктов, не буду их перечислять, это много времени займет, есть отдельные статьи, которые посвящены функционированию российских СМИ на территории Евросоюза, а также огромный сегмент, который закрывается под социальные сети - те самые упоминания сегодня были, Цукерберга, которого, условно, дергают в Сенат США, так и со стороны Евросоюза там предполагается определенная бумага, которая пишет директиву для Гугла, для Фейсбук, для Твиттера, то, как они должны освещать выборы 2019 года в Европарламент и какие дополнительные альтернативные источники они должны ограничивать или вообще закрывать.

В целом, чтобы избежать потерь престижа наших СМИ, которые вещают на целевые группы в Европе, необходимо, помимо введения фактчекинга, мы сегодня уже обсуждали эту работающую схему, необходимо ввести оценку именно вот этих самых институтов, необходимо изучать документацию, которую разрабатывают эти институты. Потому что данные механизмы формируют глобальное непонимание со стороны европейского общества, что является просто альтернативным источником информации, а что является источником информации дезинформирующей. Чтобы следующая цифра, которая была при социальных исследованиях, повышала процент доверия к российским СМИ благодаря этому, не ставили их из-за того, что они услышали где-то по телевидению, что наши «Спутники» являются российской пропагандой.

Соответственно, проект, которым я занимаюсь, это есть стратегическая документация, он ставит перед собой задачу исследования, проникания в источники, которые включают в себя прежде всего академическую среду, как раз выход на эту медиасреду, то, что сегодня упоминалось, те самые дезинформирующие обзоры, и выход на политическую среду. Мы изучаем все три ступени этой лестницы, которая позволяет не только оценить людей и восприятие, а также академическую среду и принятие политических решений. Также у нашего проекта, я так думаю, если все сложится, будет пара образовательных курсов, когда мы сможем делиться опытом, в том числе при поддержке наших иностранных партнеров, в том числе, допустим, Александра и других журналистов, которые непосредственно работают в Европе. Мы поможем выработать определенные стратегии, которые, в принципе, могут помочь предопределить вот эти наступательные действия, назовем их так, со стороны Евросоюза и выработать какой-то свой ответ на исходящие угрозы и вызовы. Спасибо.

Модератор: Спасибо. У нас как получается ход дискуссии, что вопросы схлопываются по двое и фактически эксперты, которые выступали уже, они отчасти начали отвечать на последний вопрос, каким образом бороться с фейкньюс и какова должна быть их профилактика. Поэтому вот те экспертные реплики, которые остались, давайте их рассматривать в этом ключе, как отвечающие сразу на два вопроса. Я хотел бы предоставить слово Евгению Валяеву, сотруднику международного центра CAS.

Валяев Евгений: Спасибо, хотя не совсем правильная информация. Фонд «Народная дипломатия», а CAS – это наши партнеры и коллеги. Это не так важно, это не фейковая новость. Сегодня несколько коллег говорили о том, что фактчекинг является методом создания фейковых новостей, и вот как раз один из последних примеров в Европарламенте: вот недели три назад рассматривали резолюцию о российской угрозе в информационном пространстве, и депутат Народной партии в Испании Гонзалес Понс заявил, что Россия вмешивалась активно в каталонский кризис, прям вот активнейшим образом и сказал, что нужно ввести новый пакет санкций по этому поводу, тем более, выборы в Европарламент очень скоро будут.

На что он опирался? На что может опираться депутат Европарламента? Он опирался на данные как раз рабочей группы по стратегическим коммуникациям «East Stratcom Task Force», это итальянская вообще организация, состоит из нескольких человек буквально. Они что сделали? Они проанализировали информационное пространство, как вообще в российских СМИ упоминался каталонский кризис. Они взяли «Спутник», «Russia Today», частота упоминаний высокая, а зачем России так часто упоминать каталонский кризис у себя? Ну очевидно, они хотят вмешиваться - примерно такая доказательная база. И из-за этого предложение сразу ввести санкции, потому что Россия вмешивается в дела Евросоюза.

О чем говорил Федор Ильинский, как раз деятельность таких организаций, которые якобы занимаются фактчекингом, очень часто и нужно проверять, потому что кажется вроде смешно, мы сейчас вместе посмеялись, но потом эти их заключения ложатся в основу многих антироссийских резолюций, законов по ограничению работы СМИ, российских и зарубежных, и т.д., поэтому этот момент очень важный.

А дальше уже по нашим каким-то тезисам основным. Фейковые новости – конечно же, это один из методов, который сопровождает работу вообще различных игроков, не только стран, и часто говорят, что фейковые новости идут вместе с информационными войнами. Термин этот тоже часто используется где ни попадя, потому что информационная война – это тяжелый термин, а обычно все-таки информационные войны, нужно говорить так, что идут между воюющими странами, то есть когда уже идет война, как минимум «холодная война», а то что сегодня происходит между Россией и Западом - это все-таки под вопросом, холодная ли это война, идут информационные войны.

То есть не всегда фейковые новости сопровождают информационные войны, но признаки информационных войн у нас сегодня можно наблюдать даже, к сожалению, во внутривнутриполитической борьбе, и это, наверное, тренды как раз последних уже 5 лет, когда информационные войны происходят уже внутри стран. Нас интересует, конечно же, только тот вид фейковых новостей, которые используются для цели влияния на общественное мнение, потому что у нас же есть еще тот пласт, о котором сегодня уже говорили, но он как раз не такой страшный - это когда фейковые новости используют для получения просто финансовой выгоды. То есть с целью кликбейта в интернете, наверное, каждый из нас сталкивался, когда заходил на некие сайты и там написано, что умер сегодня тот или иной политический лидер или какая-то поп-звезда. И мы постоянно читаем такие фейковые новости, но они, на наш взгляд, не опасны, потому что они иногда даже полезны, потому что когда общество постоянно сталкивается с фейковыми новостями в интернете, так или иначе, это становится для определенной части общества

прививкой от фейковых новостей. То есть мы начинаем уже несерьезно относиться к информации, которую мы получаем в интернете. Но прививка не может, естественно, окончательно победить фейковые новости, потому что формируется сознательное недоверие ко всей интернет-повестке, но люди не перестанут читать интернет по заголовкам, потому что информационный массив, который выливается на нас ежедневно в интернете, он очень большой.

Поэтому, наверное, вывод такой, что фейковые новости будут неотъемлемой частью интернет-пространства, и фейковые новости невозможно искоренить и победить ни законом, ни какими-то активными действиями. Почему мы говорим о том, что информационная война может происходить, и глобальный мир, и в интернет, мы об этом говорили еще 15 лет назад в либеральном мире, говорили, что вот скоро интернет скоро будет без границ, мир будет без границ. Никто не верил, что этот тренд может быть скорректирован, к сожалению, произошла эта корректировка, и мы подходим к этапу пересмотра послевоенных форматов в мировой безопасности и пришли к тому, что сегодня, наверное, у нас нет каких-то однозначных правил международной безопасности, которые существовали еще недавно. Про недавно – это период «холодной войны» и небольшой период после «холодной войны», то есть старые правила уже не работают, а новые еще оказались не выработаны.

Это положение сказывается на информационном пространстве, о чем мы сегодня говорим, то есть еще недавно ограничение деятельности каких-то СМИ зарубежных и внутринациональных казалось делом таким - не было необходимости, по крайней мере. Сегодня уже часто мы слышим о том, что действительно «Спутник» или «Russia Today» хотят именно закрыть, запретить их вещание, потому что рассматривают российские СМИ как один из этапов, методов ведения информационной войны России против западного мира.

Мы считаем, что еще совсем недавно интернет действительно являлся гуманитарным проектом и им занимался креативный класс в основном, сегодня мы, наверное, можем говорить о том, что интернет становится уже стратегически важным ресурсом и его тренд будут формировать военные. Этот тренд будет сохраняться в ближайшие годы, и лет 10-15 ближайшие будет формироваться новый мировой военный каркас. А уже только после него будут появляться новые правила международной безопасности, и уже тогда мы, наверное, получим какие-то общепринятые правила уже информационной безопасности, а в этот период он, конечно, будет таким периодом беспокойным, в течение которого информационные атаки, информационные войны – эти термины мы будем с вами слышать очень часто и на разных площадках.

Как доказать, что меняются методы такой глобальной политической жизни? Еще недавно метод «мягкой силы» являлся одним из основных, который использовали мировые игроки, американцы с использованием метода «мягкой силы» демонстрировали преимущество своей политической системы, демократии, прав человека и так далее, и «мягкая сила» стала именно рычагом идеологического влияния. Она сопровождалась в том числе и информационной работой. Считалось, что «мягкая сила» - это тонкий момент пропаганды, но сегодня мы смотрим на конфликт в Венесуэле, видим, о какой «мягкой силе» может идти речь. Все прямолинейно, очень жестко и так далее. Поэтому в дипломатии «мягкая сила» отходит сегодня на второй план, на первом плане - военная сила, разведка, решительность, стремление строить заборы и вводить санкции. Поэтому

тренд ограничения интернета, к сожалению, неизбежен не только в России, наверное, но и во всем мире.

Не существует единого мирового информационного пространства и свободного интернета. Мировой тренд – это строительство стен как оффлайне, так и в онлайн. Не может быть такого, что Америка строит стену с Мексикой, но не ограничит у себя что-то в интернете, это вещи, которые друг другу не противоречат, они логичны. Общество, конечно, должно быть готово к информационным атакам изнутри и извне, так же как и при атаках при классической войне. Для этого необходимо проводить разъяснительную работу, проводить какие-то учения, но нужно в первую очередь, наверное, стремиться, чтобы люди поколения телевизоров начали говорить с поколением айфонов на одном языке. Это как раз самая большая проблема, и сегодня, я уже не помню, на этой площадке или не другой говорили, что люди, которые после 50, они не слишком активно пользуются интернетом. И привели там пример, что у нас с 1985 года в Советском Союзе ввели информатику, и вот люди, которые в 85-м году уже получили хоть какие-то знания, они погружены глубже, а кто уже закончил школу до 85 года, у них есть некоторые проблемы. Конечно, это не касается тех, кто получал образование инженеров, математиков и так далее.

Но в России эта проблема виднее, чем в США, американское общество более интернетизировано, и там между поколениями айфонов и телевизоров язык найден, у нас он не найден. И как он будет находится, пока непонятно. Но однозначно, что, наверное, большая ошибка - вести наше общество методами запретов и ограничений с помощью законопроектов определенных, потому что кто-то видит в китайском интернете пример для России, но китайский интернет – это не пример для России, потому что китайский файрвол, на самом деле, это проблема для Китая большая, а не достижение. Долго делать вид, что Китай полностью формирует полностью свою интернет-повестку, это будет невозможно, потому что, если сегодня приехать в Пекин, у тебя будут работать определенные программы, не работать Фейсбук, Твиттер и еще что-то, а вот в Гуаньчжоу уже будет работать. Потому что они по разному относятся, Гуаньчжоу более развитый город, более богатый, там можно повестку либеральную вести немножко более открыто. Поэтому единого информационного пространства в Китае уже сегодня нет, поэтому нам повторять их ошибки, наверное, смысла никакого нет, России не нужно повторять эти ошибки, а идти все-таки своим путем. Спасибо.

Модератор: Большое спасибо, это был Евгений Валяев. Следующий выступающий, я бы хотел предоставить слово Наталье Власовой, генеральному директору Фонда независимого радиовещания. Наталья, прошу вас.

Власова Наталья: Добрый день, коллеги. Спасибо за возможность высказаться, с большим интересом вас слушала. Наверное, чтобы не повторяться, потому что время наше приближается, я, наверное, хотела бы перевезти фокус с такого более глобального на региональный, потому что мы работаем с региональными редакциями и журналистами. Я совершенно согласна, что одна из фундаментальных вещей, конечно, которые мы сейчас должны обсуждать, это этика, я здесь с вами абсолютно согласна.

Нас больше всего волнует применение этого закона, мы обсуждали это с региональными журналистами и региональными редакциями. То есть на самом деле кто будет принимать решение, то есть если вы читали, то вот эти «санитары леса», которые будут сообщать о

том, что та или иная редакция распространяет фейковые новости, фактически это будут пользователи социальных сетей и читатели. У редакции возникает вопрос, что это может стать результатом конкурентной борьбы и любого давления на редакции. Если мы говорим не о глобальных каких-то ситуациях, а о вскрытии, предположим, тех же фотошопных публикаций местных властей, которые сообщают о том, что они убрали дворы - вот сейчас одна из таких ярких историй, когда построят чистые дворы, а проверка выкладывает информацию, что дворы не убраны, то данная ситуация является критикой действий органов власти. Как в этой ситуации будет действовать закон?

То есть вопросов у нас, на самом деле, на региональном уровне очень много, надо об этом думать. Мы работаем со студентами и понимаем, что к сожалению, часто невежество и необразованность являются тем самым фундаментом, который позволяет процветать фейковым новостям, и поэтому здесь вопрос, конечно, к уровню образования людей и знанию языка. Мы во многом понимаем, что новые поисковики, которые сейчас являются одним из основных инструментов предоставления информации, много думают над тем, как разрабатывать свои технологические платформы, чтобы фильтровать, и фильтры эти будут, поэтому я могу сказать, что больше сейчас вопросов... все ждут применения этого закона на практике, которая будет серьезно влиять и которая повлечет за собой, безусловно, какую-то коррекцию в формулировках. И речь идет, если мы говорим про фейкньюс в законе об информации, которая является общественно значимой, что это такое, каких именно областей она касается. Потому что все остальные искажения информации подходят под закон о клевете и диффамации, и моральный вред.

Поэтому мне бы, наверное, хотелось сказать, чтобы вы обращали внимание на региональный уровень, на огромное количество редакций, которые каждый день работают в интересах общества. Мне, наверное, в какой-то степени проще, потому что первое образование у меня медицинское, и мы давали клятву Гиппократу, первый постулат, который звучит - это «не навреди» и второй - это «излечи себя сам». Поэтому вот эти вопросы и векторы развития редакций, снова растет роль главного редактора редакции, о которых мы в последнее время забыли и которые должны быть, конечно, такой интеллектуальной вершиной в журналистике и моральным авторитетом. Поэтому ждем, конечно, применения закона, и мне кажется, важно здесь максимально быть открытым и не поддаваться.

Последнее, что я скажу, потому что можно бесконечно говорить о фейкньюс, но не менее важным вопросом является, что такое актуальная повестка, с которой сталкиваются редакции, которая создает свои материалы в разговоре со своим обществом. Мне кажется, что гораздо более такой важной темой является формирование, видение актуальной повестки, не дать редакции увести себя в сторону обсуждения очень ярких, интересных вещей, которые, к сожалению, уводят от серьезного разговора и обсуждения тех моментов, которые влияют на жизнь общества. Поэтому для меня и для наших коллег в регионах вопрос - не дать себя увести от актуальной повестки - является, наверное, более актуальной, чем постоянное обсуждение, что такое фейкньюс. Это грань очень важная. Спасибо за внимание.

Модератор: Большое спасибо. У нас остался один эксперт, присутствующий в зале, это Олег Дмитриев, который одновременно представляет МИА «Россия сегодня» и факультет коммуникации и медиадизайна Высшей школы экономики. Вот я ему предоставляю

слово и потом, несмотря на то, что времени осталось мало, я бы хотел показать два небольших фрагмента зарубежных коллег, и потом, если у кого-то будет желание высказаться, то такая возможность будет предоставлена. Олег, пожалуйста.

Дмитриев Олег: Во-первых, добрый вечер. Я понимаю, что выступление последнего – это всегда, с одной стороны, сложно, ну столько мыслей кругом возникает. Большое спасибо организаторам, что пригласили, очень приятно как раз видеть тех, с кем работаешь, с кем когда-то работал, с кем очень много интересных проектов делал. Я вот слушал все и думал: как же все это воплотить, применять и так далее.

С одной стороны, на Западе механизм борьбы с фейковыми новостями, есть такая дисциплина, которую даже в детском саду преподают – новостная грамотность называется, я слышал выступления американских коллег, которые на полном серьезе рассказывали о том, насколько успешно можно преподавать новостную грамотность на примере сказки «Три поросенка», какую информацию Ниф-ниф Нуф-нуфу передал, а Наф-наф понял, где там был фейк, до такого даже доходит. Но опять-таки, любые способы донесения вот этой информации, приведения того, что так, что не так, они настолько условны, что ответы на эти вопросы даже с помощью элементов медиаграмотности, новостной грамотности, которые применяются по всему миру, в США, в Китае, везде, они будут очень условны.

Другой момент – это декомпозиция информации, обучать человека, было тут уже сказано исконно русское слово «фактчекинг», обучать человека декомпозиции информации (еще одно исконное русское слово), то есть обучить тому, как информация может идти по полочкам. Скажем, если говорить о демонизации, о кампании, которая была запущена накануне Игр в Сочи. Прозвучала такая новость, что президент Германии объявил бойкот сочинской Олимпиаде из-за проблем с сексуальными меньшинствами. Теперь давайте разбираться: бойкот, не бойкот, участие, неучастие спортсменов – это все-таки прерогатива Олимпийского комитета, но с другой стороны, президент Германии, все мы знаем, что это абсолютно церемониальная функция.

Люди начинают обсуждать, но здесь большое внимание, как раз в образовании я стараюсь уделять в Высшей школе экономике как раз фактчекингу и соблюдению норм языка медиа. Вот все-таки то, чем мы занимаемся – это своего рода тоже: язык, есть лексика, есть своя стилистика, есть свои нецензурные выражения и, скажем, если я что-то буду говорить, вот если бы Алексей Львович выпустил меня в эфир и если бы я что-то сказал на английском языке с акцентом, будучи журналистом, с поставленным голосом, это было бы неверно, потому что не совсем это отвечает, если я профессиональный диктор, ведущий, я должен уважать законы языка, на котором я говорю.

То же самое мы делаем со студентами на разных уровнях – как раз уважать законы проверки информации, законы фактчекинга, законы уважения друг к другу, даже если ты не согласен с той или иной точкой зрения, вот это мы проводим на занятиях, классификация источника. Вот та же Сирия, например, показательна, для российских СМИ совершенно справедливо официальный является источник – Министерство обороны. Для Запада – они цитируют так называемую Сирийскую обсерваторию по правам человека, там полтора землекопа, как в том мультике. Вопрос: как эти источники можно расквалифицировать? Кто авторитетный, кто не авторитетный? Кто информированный, кто не информированный? Кто названный, кто не названный?

Вот это все как раз раскладывание информации по полочкам со студентами, один из наиболее успешных механизмов того, что люди при многократном повторении вот этого механизма, если они больше это делают, то они больше будут об этом задумываться. Скажем, в рамках программы «Спутник», когда приезжают люди из разных стран, мы проводим вот такую игру «В поисках истины». Где мы предлагаем, собственно, вот событие, чемпионат мира по футболу. Давайте посмотрим, как мейнстримовые медиа это освещают, как освещают альтернативные точки зрения, критерии следующие: вторая точка зрения, наличие второй точки зрения, что за источники, какой понятийный аппарат используется.

И вот каждая группа, которая состоит из разных журналистов, она это писала, они анализировали мейнстрим, другая группа анализировала международные медиа на английском языке – «Спутник», все сервисы, которые у нас на английском языке. Вот получается абсолютно такая картина, что... это не значит, что одно с другим не совместить, одно плюс другое – истина получится, но ощущаются такие параллельные линии, которые не всегда сходятся в представлении информации. Особенно это касается мейнстримовых медиа, когда коллеги из Аргентины мне сказали на полном серьезе, о том, что, скажем, «Исламское государство» готовит на Красной площади, на лобном месте, да, казнь Лионеля Месси, и люди в это верили. Я не знаю, продавали билеты или нет на это зрелище? Но Месси до сих пор жив и за «Барселону» забивает свои голы. Вот такие вещи, они высказывали.

И после одной из таких дискуссий меня зацепила очень фраза одного журналиста из Объединенных Арабских Эмиратов, который говорит: «Ребята, я вот вас тут послушал, вроде вы хорошие ребята и вроде вам можно верить, и я склонен вам верить. А вот теперь что же мне делать, человеку, который воспитывался в хорошей семье на английском языке, который ходил в английскую школу, смотрел американские фильмы? И тут я понимаю, что у вас тоже своя правда и вы честные, и вот как мне теперь с этим жить дальше? Я могу признаться, что я в этом мире ничего не понимаю». Это был своего рода такой комплимент, когда ты понимаешь, что люди и здесь у нас, и за рубежом находятся в таком одностороннем информационном вакууме, который навязывается мейнстрим-медиа, и как этому противостоять. Здесь медленно и печально (нет, не медленно и печально, но не быстро и весело) все-таки нужно целенаправленно работать, объяснять азы профессии, объяснять все, что можно, что нельзя, что прилично, что грамотно, что неграмотно, что честно, что нечестно, чтобы действительно у человека, который работает в медиа, появлялась возможность проверить свою точку зрения.

С Натальей Георгиевной я тоже соглашусь, есть такая проблема, пожаловалась она нам, отсутствие и недостаток главных редакторов в региональных медиа, я еще дальше плач продолжу. Не только отсутствие главных редакторов, а отсутствие шеф-редакторов, отсутствие на большинстве каналов в Российской Федерации, будь то телевидение, радио, медиаспециалистов средней руки, потому что им быть не модно сейчас. Люди бегут с этой должности, и вот здесь как раз должны быть люди, специалисты по всей стране, которые задавали бы вот эти стандарты. Я считаю, что эта проблема гораздо глубже в этом состоит.

Ну и не могу не воспользоваться возможностью как раз поделиться целенаправленной работой с науками, если Алексей Львович позволит, конечно, как раз рассказать о том, что со следующего года мы начинаем в Высшей школе экономики набор новой

магистратуры под названием «International news production», производство новостей в международной среде, где как раз мы попытаемся инкорпорировать все то, что сделано здесь, в российских и международных медиа, как раз привлечь опыт успешных кейсов существования альтернативных мнений, альтернативной информации, которая, как раз вот коллеги говорили, что это не является фейком. Попробуем сделать как раз все эти вещи как практикоориентированный курс, практикоориентированную магистратуру. Спасибо за внимание и спасибо участникам дискуссии, потому что очень много аспектов, очень много пластов я сегодня для себя как раз обнаружил. Спасибо.

Модератор: Спасибо. Тогда коротко два видео.

(На английском языке 1:51:55)

Ларюэль Марлен: Но когда мы пытаемся разглядеть, что же подразумевается под фейкньюс, я вижу три основные реалии, которые должны быть выделены из темы «фейкньюс». Первая – это то, что мы обычно называем дезинформацией, что означает фактически организованную преднамеренную кампанию распространения ложной информации с конкретной целью - нанести вред противнику или людям, с которыми вы не согласны. Это один аспект.

Другая – это то, что мы называем «недостоверными сведениями», которые можно рассматривать либо как добросовестное заблуждение, либо люди или организации, распространяющие ложную информацию, просто не осознают, что она ложная. Но некоторые ученые интерпретируют недостоверные сведения как преднамеренное распространение ложной информации. Однако, если люди знают, что информация ложная, но она не нацелена на какую-то группу, то и вреда никакого нет. Вот как обычно понимаются фейкньюс: либо как недостоверные знания, либо как дезинформация.

Но в моем понимании, с моей точки зрения, мы также должны учитывать проблему интерпретации, поскольку крайне редко новость бывает лишь чистым описанием действительности, которое может быть верным или неверным. Очень часто новости – это толкование действительности, и в таком случае в новости очень сложно отделить правду от лжи, потому что это может просто вопрос толкования или нахождения толкователя в ином культурном контексте, чем в том, в котором он был истолкован. И я думаю, что именно поэтому ученым иногда очень сложно сделать утверждения относительно фейкньюс. Фейкньюс – это очень обширная и привлекающая внимание тема, которая сейчас очень широко распространена во всем мире.

Модератор: Это была Марлен Ларюэль из университета Джорджа Вашингтона. И представлю коллегу, это Грег Саймонс, профессор из института Упсала в Швеции, выскажется по поводу последнего вопроса, по поводу профилактики фейкньюс.

Саймонс Грег: Итак, что нужно сделать, чтобы повысить доверие? Я думаю, что это очень сложная проблема, но это процесс, и процесс включает в себя, к примеру, образование. Людей нужно учить как потреблять знания и информацию, потому что не все знания и информация надежны. Им нужно дать инструменты, когнитивные инструменты, чтобы понять, что надежно, а что нет. Это нужно сделать очень целенаправленно, потому что фейкньюс не поступают из одного источника, целью которого является, например, подрыв демократии или прочие странные концепции наподобие этой. Это происходит на пересечении разных интересов. Любопытно, что в медиа растет число сторожевых псов, и я думаю, что это вызвано фейкньюс в среде традиционной журналистики и СМИ.

Таким образом, у вас есть такие ресурсы как «Media Lens», финансовая точность и отчетность и другие разные организации, которые создаются так называемой «пятой властью» – это те, кто следят за «четвертой властью». И вы понимаете, что четвертая власть не радуется тому, что ее проверяют, потому что они все еще держат марку или мнят о своем этическом превосходстве, в которое общество больше не верит. Я думаю, что это трудно осуждать. Должно произойти изменение в мышлении журналистов, СМИ и политике. Необходимо обучать и развивать осознанность общества на предмет того, как, где и почему люди потребляют знания и информацию. Нужны какие-то механизмы подотчетности и прозрачности, некоторые из которых создаются медиа и службами, проверяющими факты. Итак, что нужно сделать, чтобы повысить доверие? Я думаю, что это очень сложная проблема.

Модератор: Коллеги, ну вот два мнения зарубежных коллег. Фактически мы подошли к завершению и прозвучало очень много точек зрения, и реплик, мне кажется, что картина очень полная, тем не менее, если у кого-то есть короткая реплика и вы понимаете, что она дополняет дискуссию, что еще не было сказано, то я готов предоставить слово. Да, пожалуйста.

Реплика из зала: Небольшой комментарий. Здесь мало социологической информации было, но тем не менее. Мне интересно, почему именно эту тематику решили поставить на социологической конференции? И для меня ответ только один: потому что государство вместе с традиционными СМИ теряет монополию на слово. Вам было легко работать в 20-м веке, легко работать до интернета так называемого 2.0, а сейчас со своими миллиардными бюджетами, вы не можете выиграть у блогера. Просто человек с телефоном, который что-то выкладывает в интернет, и его информация является качественной, и доходит до людей более эффективно, чем все эти иерархии, традиции и так далее.

Поэтому проблема здесь, почему эта тема поднята на социологической конференции, потому что силовики, по-видимому, не могут решить этот технологический прогресс. Если бы силовики решили так же брутально, как это сделали год назад с Телеграмом, то тогда ни у кого бы не было Телеграма и этой бы темы не возникло. Мы сейчас все читаем Незыгарь, все знают, когда какого губернатора могут отставить, как болеет Киреенко и так далее, и вся вот эта ситуация требует какого-то гуманитарного решения, но, по-видимому, у нас его все равно не получится, но хотя бы тема заявлена, и то интересно. Спасибо.

Модератор: Коллеги, спасибо за ваши высказывания. Тогда я коротко подведу итоги. Я вспоминал один текст, когда слушал доклады, вернее ситуацию скорее, которая случилась с родственником композитора Петра Чайковского, который сходил на оперу своего современника в Европе, в дебютном исполнении, потом пришел и записал в своем дневнике, что у меня очень заболела голова. То есть идея была в том, что они были очень сложными для понимания, даже такому человеку с профессиональным ухом было не так-то просто разобраться во всех темах музыкальных, которые там были заявлены.

Получилась, на мой взгляд, такая дискуссия сложная и были высказаны разные точки зрения. Действительно, очень много подходов, пониманий, интерпретаций того, что такое фейкньюс, мы видим это и понимаем по-разному, что, в общем-то, правильно. И

даже если мы встаем на академическую позицию и считаем, что это термин очень сильно эволюционировал за последние 10-15 лет, поэтому надо относиться к нему действительно критически.

С другой стороны, мы понимаем, что в этом есть какая-то соль. Действительно, ложь, неправда, дезинформация каким-то образом изменилась за последнее время, что появился этот термин фейкньюс, который мы еще не перевели на русский язык и, может быть, не надо его переводить, но мы как-то интуитивно понимаем, что под этим подразумевается и можем об этом друг другу рассказать.

Следующий важный вывод, который я бы сделал, это вывод, что фейкньюс – это плохо для всех, это плохо не только для государства, это плохо не только для бизнеса, это плохо для общества, и это действительно проблема доверия для не только для тех, кто профессионально работает с информацией, но и для социальных институтов. Я сейчас тоже вспоминал один кейс, который был в прошлом году, когда русского журналиста объявили убитым на Украине, а потом выяснилось, что он живой, и эту информацию сообщили официальные лица, представители государства. И здесь, конечно, возникает вопрос, как потом можно верить государственным новостям, государственным сообщениям, если официально подтверждено, сначала возникает, а потом опровергается такая информация, это действительно проблема, с которой как-то надо работать. Проблема, которая существует на разных уровнях, решается на разных уровнях, есть разные инструменты, которые позволяют с этим бороться. Это действительно не только какие-то профессиональные инструменты, но и те возможности критического анализа, критического восприятия информации, которыми мы обладаем и которые мы можем каким-то образом воспитывать, инструменты, которыми мы можем делиться разными способами. Спасибо, что об этом тоже было сказано. Еще раз спасибо всем участникам за дискуссию.